

120

Английские встречи

Советская культура
г. Москва

8 ДЕК 1955

Из множества впечатлений, связанных с нашей поездкой в Англию, мною было

вынесено одно самое ценное, а именно: английская интеллигенция, как я мог заметить, стремится понять и постичь то, что волнует и что определяет деятельность интеллигенции Советского Союза, горячо интересуется жизнью советских людей. На многочисленных докладах и лекциях о советской музыке в Англии всегда присутствовало большое число слушателей — и тогда, когда они читались в лондонском клубе Гильдии композиторов для специалистов-музыкантов, и тогда, когда они предназначались для более широкой аудитории. Меня расспрашивали о жизни в СССР и структуре Союза композиторов, о быте наших людей и положении молодых музыкантов, о том, как оплачиваются оркестранты, нет ли среди них безработных, бывают ли пустые места в наших концертных залах.

Надо ли рассказывать советскому читателю, что на два последних вопроса я всегда отвечал отрицательно, с поправкой на то, что места в концертах у нас пустуют только в одном случае: если повторно исполняется плохое произведение. Но, может быть, надо рассказать об удивлении и восхищении, с которыми мои слушатели узнавали о материальном и моральном положении музыкантов в СССР: о свободных творческих дискуссиях, о бесплатной переписке нот, о домах творчества композиторов и о многом, многом другом. Все это для нас азбука и стало настолько обычным, что мы не замечаем подчас тех благ, которыми окружены работники культуры в нашей стране.

Подробно рассказывал я о жизни советских людей и во время бесчисленных интервью. Нужно иметь в виду, что наша поездка в Англию проходила до того, как наступило известное потепление в атмосфере «холодной войны». Вероятно поэтому вопросы, задаваемые мне, оказались настолько однотипными, что очень скоро я знал их наизусть. Я знал, что третьим вопросом у всех без исключения репортеров неизменно будет: «Свободно ли ваше творчество в Советском Союзе?».

Сейчас, когда над миром веет дух дружбы и культурного сотрудничества, мне кажется, лондонскую прессу заинтересовали бы и многие другие вопросы о жизни на-

А. ХАЧАТУРЯН

шею страны, нашей страны, нашего народа. Так или иначе, но тогда, до Женевского совещания, журналисты, почти не слушая моих ответов на первые два вопроса, стремительно начинали заполнять листки блокнотов при ответе на третий. Обычно они пропускали мимо ушей то, что им хотелось пропустить. А жаль: ибо, если на первый вопрос: «Как вы себя чувствуете?» ответ, действительно, мог быть признан не столько уже существенным, то ответ на второй: «Нравится ли вам Англия?» можно было бы послушать и опубликовать то, что говорит один из советских друзей английского народа.

Говорил я и о том, что в Англии меня восхищает очень многое — от Британского музея до театра Олд Вик, от Музыкальной академии до Ковент-гардена. А главное — люди, и притом самые различные: студенты, профессора, священники, музыканты, общественные деятели, шоферы, рабочие. Очень многие из них и тогда заявляли о возможности установления самого тесного, дружеского, культурного контакта между народами наших стран.

Мне довелось встретиться с одним из старейших и, несомненно, крупнейшим композитором Англии — Артуром Блиссом. Не буду подробно рассказывать о его фортепианном концерте, опере «Олимпийцы» и других выдающихся произведениях, достаточно широко известных во всем мире. Меня пленила не только музыка, но и сам автор ее. До сих пор, несмотря на свои 64 года, он строен и красив. Это человек с лицом юности и совершенно седыми волосами: глаза его — ясные, голубые, поразительно чистые и честные. Его неторопливые, спокойные слова вполне искренни, и сам он полон желания обо всем самому узнать правду. Он говорил как широко образованный человек, принимал нас как самый приветливый хозяин и вслушивался в каждое слово собеседника с пытливым и желанием проникнуть в самую суть вещей.

Не скрою, я пожалел, что в обстановке светского приема много не разговоришься. Артур Блисс, один из самых уважаемых композиторов Англии, мог бы, наверное, многое поведать о музыкальной жизни своей страны. Как знать, может быть, и то, что сказал бы я, было бы ему не безразлично. Но я верю, что наша первая

встреча не окажется последней, и мы еще много и подробно будем толковать на интересующие нас темы.

Кстати, в Англии я услышал немало яркой, интересной музыки. В Лондоне познакомился с оперой «Троил и Крессида» современного английского композитора Уильяма Уолтона, автора великолепного скрипичного концерта, который исполняют лучшие скрипачи мира. Его произведение понравилось мне прежде всего партией героини — красивой и мелодичной, мастеровым оркестровки и тем, что автор прекрасно владеет всеми секретами композиторской «технологии».

Однако все это, к сожалению, не избавляет от ощущения некоторой бедности вокальной линии и того, что музыка отдельных эпизодов недостаточно выразительна.

Значительное эмоциональное воздействие, несмотря на некоторую сухость и абстрактность мышления, производят вторая и третья части второй симфонии Малькольма Арнольда. Композитор виртуозно владеет оркестром.

Обо всем, что нравится и не нравится в творчестве Малькольма Арнольда, я рассказал ему самому вполне откровенно, несколько удивив его этим. Говорить так прямо о хорошем и, не таясь, о плохом здесь не всегда принято. Но он оказался на редкость милым и внимательным человеком, который очень спокойно и с явным интересом относился как к приятным, так и не очень приятным для него словам.

С искренним удовольствием слушал я мелодичный квартет Эдмунда Рубра.

Правда, не все в творчестве английских композиторов мне нравилось. Иной раз приходилось знакомиться с произведениями, где стремление к оригинальности во что бы то ни стало превращалось в пустое оригинальничанье, музыка становилась сухой, скучной, абстрактной, лишенной всяких связей как с лучшими музыкальными традициями своего народа, так и с современными светлыми интонациями окружающей нас жизни. Говоря это, я отнюдь не хочу навязать английским коллегам свою точку зрения на композиторское творчество.

У нас, советских композиторов, есть, вероятно, такие произведения, которые при исполнении в Лондоне будут восприняты как пьесы наивные и несовершеннове. У наших коллег в Англии есть такие вещи, которые московские слушатели сочтут примитивной какофонией. Однако здесь и там немало и такого, чему мы можем друг у друга поучиться.

Каждый из нас идет своим путем. Но я страстно хотел и хочу, чтобы советские и английские музыканты лучше понимали друг друга, сблизили крайние точки своего творческого бытия и нашли тот общий язык, который так необходим всем, кто думает о задачах современной музыки.

Мне думается, нам надо чаще встречаться, больше разговаривать, взаимно исполнять произведения, стремясь убедить друг друга своим главным оружием — музыкой.

Я убежден, и не раз говорил об этом в Англии, что настоящий художник, безотнositельно к его художественным устремлениям, не может быть безидейным, не может не быть связанным с окружающей жизнью. Даже подсознательно в его творчестве идея скажется. Художник всегда рассказывает о жизни, увиденной своим оком, и чем острее наблюдает он действительность, тем правдивей, последовательней будет показана жизнь со всем ее многообразием в его сочинениях. И кстати, если он по-настоящему эту жизнь, родину свою любит, то сумеет разглядеть всепобеждающую силу светлого начала, и потому творение его будет правдиво, философски оптимистично.

Мне хочется упомянуть еще о встрече с композитором и профессором Королевской академии музыки Вильямом Олуэном — автором хорошей симфонии. Вместе с директором академии Р. Тэтчером Олуэн любезно познакомил меня с их примечательным учебным заведением. В нем есть все факультеты и классы, как в лучших консерваториях мира. Кроме того, студенты обучаются здесь и драматическому искусству, постановке речи и голоса, слушают курсы по истории театра, костюма и английской поэзии, по психологии и технике радиопередач. Правда, многие из этих курсов являются дополнительными, и за них надо вносить, помимо ежегодной платы за учение, особую плату.

В академии организован хороший студенческий оркестр, который при мне репетировал фортепианный концерт Чайковского. Хотя то была черновая репетиция с частыми остановками, рояль и оркестр звучали отлично.

В Бристоле удалось познакомиться с замечательным студенческим хором. Он состоит из учащихся музыкального и других факультетов местного университета. Руководит этим самостоятельным коллективом в пятьсот человек профессор Стэнтон. Я слышал, как этот хор пел «Реквием» Моцарта. Чистота интонации, музыкальность и выразительность в исполнении этого сложнейшего произведения не всегда

достижимы даже в профессиональном коллективе, а здесь звучание великого творения Моцарта было выше всяких похвал. Надо сказать, что уровень хоровой культуры в Англии вообще очень высок.

Говоря об английских музыкантах-исполнителях, не могу не отозваться с благодарностью и похвалой об оркестре лондонской филармонии, Халле-оркестре Манчестера и оркестре Лондонского радио, которыми я дирижировал.

В Ливерпуле мы познакомились с деятельностью филармонического общества — одной из трех старейших в мире организаций такого типа. Обществу исполнилось в этом году 115 лет. Мастерство ливерпульских оркестрантов очень высокое. Симфонический оркестр Ливерпуля — предмет постоянной заботы и гордости горожан — дает ежегодно в различных городах Англии двести концертов, неизменно проходящих с большим успехом. С оркестром выступает один из лучших английских жюров. Музыканты устраивают также лекции-концерты и концерты для учреждений и предприятий. На такие вечера все места в филармоническом зале продаются по одинаковой цене, доступной трудящимся.

Ливерпульский симфонический оркестр помогает молодежному филармоническому обществу, объединяющему три тысячи человек, среди которых — участники оркестра и хора. Через клуб ливерпульской филармонии оркестр поддерживает постоянную связь со слушателями, изучает их интересы и, идя им навстречу, нередко исполняет произведения русских классиков и советских композиторов.

Отрадно, что встреча с этим коллективом возбудила взаимную симпатию между советскими и английскими артистами. Наша оживленная беседа изобиловала теми практическими вопросами не только творчества, но и жизни вообще, которые могут возникнуть лишь в очень дружеской и сердечной обстановке.

Несмотря на некоторые эстетические и всякие иные расхождения во взглядах нашей и английской интеллигенции, у нас немало общего. Нас сблизжает общность творческого труда, стремление познать друг друга, уважение к духовным ценностям народов, желание укрепить и сберечь мир. Знакомясь с английскими композиторами и их творчеством, я пришел к убеждению, что нам есть о чем говорить друг с другом, находя в творческих спорах нужные общепонятные формулы и положения, призванные примирить то, что вчера казалось непримиримым.

(Окончание следует).